

ФИЛОСОФИЯ КАРЛА ПОППЕРА

Об особенностях философии К.Поппера

Еще в сравнительно молодые годы Поппер был признан классиком философии XX века. Его работы по философии и методологии науки, общефилософским проблемам, социальной тематике многократно переиздавались и переводились на многие языки. Хороший литературный стиль, особая "попперовская" ясность и прозрачность мысли, научная эрудиция и философская чуткость к точкам роста научного знания, использование теоретических возможностей философии в борьбе против тоталитаризма обеспечили ему известность далеко за пределами философии.

В течение 60-летнего творческого пути Поппер защищал идеал "открытой" (для критики и новизны) философии. Две свои книги он озаглавил "Открытое общество", "Открытая Вселенная". Сам тоже стремился следовать этому идеалу. В какой-то мере это ему удалось.

Осмысление изменяющихся реалий жизни и роста знания сопровождалось изменением проблематики и аргументации, смещением научных предпочтений. Если окинуть взглядом путь творческих исканий Поппера, можно заметить две тенденции: движение от логицистского, ориентированного на физику и математику, образа знания к биологичистскому и эволюционистскому его образу; смещение акцентов от "технических" логико-методологических проблем к метафизически-космологической проблематике анализа научного знания для решения глубоких философских вопросов.

Вместе с тем есть "исповеди веры", которым Поппер оставался верен всю жизнь. Это прежде всего вера в рациональную мощь человеческого разума и рациональную деятельность (отсюда неприятие всех форм иррационализма, обскурантизма,

спекулятивной или "дурной" метафизики, к которой он, в частности, относит фрейдизм, марксизм, гегелевскую философию). С рационализмом связано и глубокое уважение Поппера к науке, "непоколебимое убеждение, что после музыки и искусства наука является величайшим, самым прекрасным и наиболее просвещающим достижением человеческого духа"¹. Теории, игнорирующие осмысление науки, не могут считаться подлинно философскими, ибо "корни философских проблем находятся в науке". Поппер категорически не согласен с расхожим мнением об отсутствии в философии "подлинных проблем". "Имеется по крайней мере одна философская проблема, которой интересуется любой мыслящий человек. Это проблема космологии - *проблема познания мира, включающая нас самих (и наше знание) как часть этого мира*"². И в этом отношении философия ничем не отличается от науки.

К твердым принципам следует отнести и попперовскую идиосинкразию к "околофилософским" дискуссиям - по поводу "сущности" философии, языка, метода и т.п. Смысл деятельности того, кто приходит в философию, неоднократно подчеркивал он, состоит в том, чтобы почувствовать проблему, увидеть ее глубину и красоту, "влюбиться в нее", посвятить себя ее решению, "пока другая более красивая проблема не увлечет его"³. Решение загадок мира не должно подменяться анализом используемых инструментов познания. Поппер скептически относился к увлечению представителей логического и лингвистического анализа инструментальной стороной философии. Считая их в определенной мере союзниками ("Поскольку в наше время аналитическая философия, пожалуй, единственная философская школа, которая поддерживает традиции рационалистической философии"⁴), он сомневается в возможности отыскания особого философского метода, определяющего условия точности употребляемых значений; вся история науки показывает, что даже в логике и математике не существует абсолютной точности, тем более ее не может быть в философии⁵. Невозможно выделить особый философский метод. "Философы столь же свободны в использовании любого метода поиска истины, как и все другие люди. *Нет метода, специфичного только для философии*"⁶. Если и можно говорить о методе в философии, то это - "единый метод любой рациональной дискуссии", который состоит в "ясной, четкой формулировке обсуждаемой проблемы и критическом исследовании различных ее решений"⁷. Именно такому методу следует "критический раци-

анизм", - этим термином Поппер обозначает свою собственную позицию.

Широта проблемного поля и акцент на конструктивное решение явились причиной того, что на протяжении полувека имя Поппера постоянно возникало в дискуссиях по поводу индукции и дедукции, реализма и конвенционализма, эмпиризма и теоретизма, редукционизма и антиредукционизма, методологического монизма и методологического плюрализма, детерминизма и индетерминизма, онтологического монизма и дуализма, физикализма и эволюционизма, коммунизма и социал-реформизма и т.д. Безотносительно к приятию или неприятию взглядов Поппера философское самоопределение требовало от участников дискуссии рассмотрения предложенных им решений.

В философском сообществе сложилось далеко не однозначное отношение к философии Поппера. Для одних она стала своего рода символом, с которым связаны поиски перспективной философии и методологии науки (И.Лакатос, Д.Миллер), для других это скорее объект теоретического опровержения, в процессе которого утверждаются новые теории (Т.Кун, У.Бартли, П.Фейерабенд), третьи отвергают ее на том основании, что она относится к устаревшему типу глобальной философии, не отвечающему жестким требованиям лингвистической точности и доказательности. Однако превалирует позиция, согласно которой философия Поппера имеет значение исторически преходящего наследия, которое можно развивать в том или ином направлении. Такая позиция характерна и для тех российских философов, кто пытался в 60-80 гг. серьезно исследовать философию Поппера (мы не включаем в их число идеологов, для которых главным было заклеить антимарксиста Поппера "реакционером", "идеалистом", "апологетом" и т.д.). Близость к сократовско-декартовско-кантовской критической традиции, рационализм, объективизм, уважение к науке обусловили то, что философия Поппера не была воспринята в России как чужеродное явление, а многие его идеи получили широкий резонанс.

Теория познания

В 1934 г. в Вене вышла в свет первая книга Поппера "Logik der Forschung"⁵. По началу представителями "Венского кружка", с которыми Поппер поддерживал контакты, его концепция была

воспринята как вполне укладывающаяся в русло идей логического эмпиризма. Действительно, Поппера роднили с этим направлением антипсихологизм, демаркационизм, нацеленность на построение логической теории научного метода, убеждение, что анализ научного знания, как более ясного типа знания, может привести к построению методологии, нормативной для любого исследования. Однако в этой работе содержались положения, которые членами "Венского кружка" были восприняты как "путаница", но которые на деле заключали в себе выводы, идущие вразрез с феноменалистическими, редукционистскими и конвенциалистскими установками логического эмпиризма.

Зерна расхождения содержались в предложенной Поппером трактовке эмпирического критерия демаркации научно-теоретического знания и метафизики. Карнап, как известно, предложил относить к теоретически осмысленным высказываниям только такие, которые могут быть редуцированы к высказываниям, констатирующим эмпирические факты, непосредственно подтверждаемым данными наблюдения (феноменализм). Высказывания, не выдерживающие эмпирическую верификацию, следует отнести к не имеющим теоретического смысла (метафизике). На таком понимании "эмпирического" Карнап строил логику индуктивного вывода. Сформулированная в "Logik der Forschung" Поппером задача демаркации на первый взгляд ничем не отличалась от той, которую ставили перед собой Карнап и другие логические эмпирики. Решить проблему демаркации - это значит "определить понятия "эмпирическая наука" и "метафизика" таким образом, чтобы иметь возможность сказать, относится или нет данная система утверждений к сфере эмпирической науки"⁹. Однако главная специфика позиции Поппера состояла в выдвижении в качестве критерия разграничения научных и метафизических утверждений принципа фальсификации (опровержения). В общей форме этот принцип означает следующее: к научным теориям относятся только такие теории, для которых можно определить их "потенциальные фальсификаторы", то есть противоречащие им положения, истинность которых может быть установлена посредством некоторых общепринятых процедур экспериментального порядка. "Согласно этому критерию, утверждения или системы утверждений сообщают информацию об эмпирическом мире тогда и только тогда, когда они способны приходить в столкновение с опытом или, более точно, если они могут систематически проверяться, т.е. ...могут быть подвергнуты испытаниям, результатом которых может быть их опровержение"¹⁰.

Исходя из понимания принципа фальсификации как открытости к опровержению, Поппер не считает приемлемыми критерии разграничения, предложенные логическими позитивистами. Ни принцип верификации, ни концепция частичного подтверждения не обеспечивают надежный критерий разграничения. Поппер вообще отвергает эмпирико-индуктивистскую идеологию неопозитивизма, считая ее "нереалистической" и "натуралистической". Невозможно верифицировать теоретические высказывания науки путем редукции их к "высказываниям наблюдения", к "данным опыта". Все эмпирики в прошлом и настоящем, пытавшиеся отыскать некие "базисные элементы", на которых можно было бы с уверенностью возводить здание теоретического знания, глубоко заблуждались. В разные периоды своего творчества Поппер приводил разные аргументы против эмпиризма фундаменталистского толка. Но главными были следующие: 1) аргумент логической невозможности "чистого наблюдения" в силу теоретической нагруженности терминов наблюдения; "опыту" логически предшествует "теория", то есть выбор объекта в зависимости от интереса, установления отношений сходства и различия, использования некоторого дескриптивного языка и т.д.; 2) юмовский аргумент о логической невозможности индуктивного вывода на основе наблюдения, поскольку это приводит к бесконечному регрессу, а обоснование индукции на основе исчисления вероятностей содержит в себе принципиальные погрешности.

Из попперовского понимания критерия фальсификации следует, что, хотя мы не в состоянии установить истинность теории, мы можем - на основе строгих рациональных процедур - определить, когда теория является ложной. Осуществление, как говорит Поппер, "честной фальсификации", которая не опровергает данную теорию, позволяет принять данную теорию (корроборация теории). И хотя эта теория в конечном счете обнаруживает свою ложность, в противном случае она была бы "метафизической", а не научной, в данный момент ее можно рассматривать как определенное приближение к истине. Таким образом, прогресс научного знания состоит в последовательной смене одних ложных теорий другими теориями, тоже ложными, но ближе стоящими к истине. Для того, чтобы определить истинность теории, нет необходимости заниматься поисками конечных оснований знания, для этого достаточно взять любой момент развития теории и посмотреть, не содержит ли опыт, а вместе с ним и конкурирующие теории, содержание, способное опровергнуть эту теорию.

Из концепции истины Поппера можно сделать выводы, что в производстве знания, в котором сложнейшим образом переплетены процессы накопления и развития, позитивного утверждения и отрицания, он акцентирует внимание, во-первых, на деятельностном моменте, на росте знания, а не на аккумуляции знания; во-вторых, он оттеняет роль критически-опровергающей, а не позитивно-утверждающей функции. Вполне возможно, что такое акцентирование является односторонним, однако у него есть преимущества. И не только в смысле создания гносеологической защиты от догматизма, но и в моральном смысле. Гносеологическая категория истины приобретает у Поппера моральный оттенок; она становится у него синонимом интеллектуальной честности.

Поппер называет себя "реалистом" и даже "наивным реалистом". Это понятие используется им как в онтологическом (теория трех миров), так и в гносеологическом смысле. В гносеологическом смысле реализм - это объективизм в науке. Это точка зрения здравого смысла или метафизическое предположение (т.е. не могущее быть опровергнутым альтернативными предположениями), согласно которому наше знание представляет собой знание о реальности, а не об идеях в сознании, об ощущениях или языке. Поппер убежден, что конечная сущность мира вряд ли может быть выражена при помощи универсальных законов науки. Вместе с тем через гипотезы и опровержения, пробы и ошибки наука движется к постижению его все более глубоких структур.

Для опровержения релятивизма, этой, по его выражению, "интеллектуальной и моральной болезни нашего века", Поппер все более активно в последние десятилетия использует биолого-эволюционный аргумент. Для современных релятивистов, замыкающих знание сферой языка или ставящих его в зависимость от социальных детерминантов, эволюционный аргумент звучит натуралистически. Тем не менее опровергнуть его невозможно, не вступая в противоречие со здравым смыслом и наукой.

Наиболее важными моментами биолого-эволюционистского подхода к знанию являются следующие. Прежде всего утверждение о том, что как унаследованные, так и приобретенные адаптации, знание в субъективном и знание в объективном смысле, уходят своими корнями в биологическую эволюцию, в фундамент врожденного или инстинктивного знания, запрограммированного в генах человека. Более того, «значимость приобретенной информации определяется почти целиком

врожденной способностью человека использовать (и корректировать) ее на базе унаследованного бессознательного знания¹¹.

Кант, выдвинувший идею априорного знания, считает Поппер, предчувствовал появление эволюционной теории знания, но сейчас можно идти в априоризме дальше Канта и утверждать, что "99 процентов знания всех организмов является врожденным и инкорпорированным в нашей биохимической конституции. И я думаю, что 99 процентов знания, принимавшегося Кантом за апостериорное и за "datum", которые "даны" нам в наших органах ощущения, на деле не апостериорно, а априорно"¹². Апостериорное знание интерпретируется нами в свете априорных бессознательных идей. Но весьма часто интерпретируется ложно.

Вторым важным моментом эволюционного подхода к знанию (и сознанию) является рассмотрение его через призму естественного отбора. Каждая эмерджентия - будь то биологический организм или научная гипотеза - рассматривается Поппером как "теория об окружении", как "структура-ожидание" или "заявка на жизненность". Ее адаптация состоит в модификации "теорий-ожиданий" через пробные мутации, отбор наиболее приспособленных из них путем "элиминации ошибок". В процессе адаптации к среде животные приобретают истинное знание о мире (в противном случае они были бы элиминированы естественным отбором), но эту истинность не следует понимать как достоверность (которой обладают математические истины). В нашем знании много истинного, но мало достоверного.

Метафизические воззрения

Мир предрасположенностей

Одна из проблем, волновавшая Поппера в течение всей его творческой карьеры, - проблема вероятности. Его привлекали ее научные аспекты (в квантовой теории, в математике), но больше всего философские. Еще в 30-е годы в спорах с Карнапом по поводу индукции и, в частности, по поводу позиции Рейхенбаха по этому вопросу, Поппер выразил сомнение относительно надежности вероятностного (статистического или частотного) обоснования индукции. Принцип фальсификационизма, по его идее, в большей мере согласовывался с объективными погрешностями вероятностного исчисления возможности события. (Например,

вероятностное исчисление гипотезы, что игральная кость упадет на двойку, дает цифру 0,166..., на самом деле получается 0,1555... И дело не в конструктивных дефектах кости, а принципиальной погрешности вероятностного исчисления возможного события). Публикация в 1950 г. работы Карнапа "Логические основания вероятностей", в которой тот продолжал настаивать на том, что степень подтверждения гипотезы зависит от степени точности вероятностного исчисления, вызвала резкую критическую реакцию Поппера и стимулировала дальнейшую разработку этой проблемы, результаты которой были суммированы в статье "Предрасположенности, вероятности и квантовая теория" (1956 год). Анализ трудностей вероятностного подхода в квантовой теории (концепциях Бора, Гейзенберга и др.), а также в логическом и математическом обеспечении приводят Поппера к выводу, что эти трудности преодолеваются, если ввести гипотезу о существовании "предрасположенностей" (propensities) или по другому, "диспозиций", "направленности на" как реальных физических сил (или полей сил), действующих во Вселенной, но не поддающихся ни наблюдениям, ни частотному исчислению вероятности. В метафизической форме эта гипотеза высказывалась еще древними греками (например, Аристотель говорил о "скрытых потенциальностях, ждущих своей актуализации"), в настоящее время она соотнобразуется с экспериментами в квантовой физике, указывающих на индетерминистский характер физических взаимодействий. Первоначально Поппер рассматривал идею "предрасположенностей" главным образом на материале физики, математики, логики. В книге "Квантовая теория и схи́зм в физике" (1982 г.) он расширяет контекст применения этого понятия, поясняя, что хотя оно имеет антропологический и психологический оттенок (аналогично понятию "жизненная сила"), нет никаких противопоказаний против введения его в нашу картину мира.

По мере все большего поворота Поппера к биологически-эволюционистскому образу науки понятие "предрасположенностей" наполняется "жизненным", "креативным", "процессуальным" содержанием и используется в качестве весомого аргумента в критике механицистско-детерминистской концепции реальности. В 1988 г., выступая перед участниками Всемирного философского конгресса в Брайтоне, он предложил придать понятию "предрасположенностей" космологический смысл и рассматривать весь мир как "мир предрасположенностей". Среди бесчисленного количества возможностей,

существующих в мире, есть более "весомые", являющиеся большим, чем просто возможности, им свойственна не поддающаяся исчислению "предрасположенность" или тенденция к самореализации. Они действуют в физических и химических процессах, они же вели к "великому разворачиванию жизни", ее эволюции и появлению человека и его мира. Вместе с человеком открывается новый спектр предрасположенностей. "Само наше понимание мира изменяет условия изменяющегося мира; то же самое делают наши желания, наши предпочтения, наши мотивации, наши надежды, наши мечты, наши фантазии, наши гипотезы, наши теории. Даже наши ложные теории изменяют мир, хотя наши корректные теории могут, как правило, иметь более длящееся воздействие. Все это сводится к факту, что детерминизм просто ошибочен; все его традиционные аргументы потеряли силу, а индетерминизм и свободная воля становятся частью физических и биологических наук"¹³. Это значит, что разрушается основание для биполярного избрания реальности, в котором человеческое сознание и физический мир противостоят друг другу. Творчество нового постоянно изменяет всю ситуацию и соотношение возможностей и, следовательно, делает будущее непредсказуемым. Будущее объективно, космологически открыто для разных возможностей; фиксировано только прошлое.

Для понимания специфики попперовского индетерминизма необходимо коснуться еще одного понятия, к которому он обратился сравнительно поздно, заимствовав его у физика Д.Кемпбелла, - понятия "нисходящей каузальности".

Начиная с Лапласа и кончая современными физикалистами, существует интуитивная вера в каузальную закрытость физической системы и действие только "восходящей" каузальности, то есть однолинейной детерминированности вышестоящих уровней нижестоящими. Эта вера включает в себя предположение о принципиальной предсказуемости будущего развития Вселенной. Поэтому материализму всегда был свойственен некоторый фатализм. Между тем эволюция создала много такого, что было непредсказуемо для человеческого сознания. Из физико-химического состояния, в котором когда-то находилась Земля, невозможно было предсказать появление жизни, а тем более феномен культуры и человеческой индивидуальности. Поэтому правильнее было бы говорить, что Вселенная подобна не часам с атомным механизмом, а облакам с их меняющимися и непредсказуемыми очертаниями¹⁴.

По поводу индетерминизма попперовской концепции написано множество комментаторской литературы и даны самые разноречивые оценки. Вместе с тем исследователи, как правило, сходятся в том, что индетерминизм у Поппера это детерминизм с определенными ограничениями, иначе говоря, признающий, что одни события детерминированы, а другие - нет. Поппер не отрицает существования системы инвариантных законов, но при этом оговаривает, что она не является достаточно полной, чтобы исключить появление новых законоподобных свойств с иной, "нисходящей" направленностью детерминации¹⁵. Например, макроструктура как определенная целостность может действовать на фотоны, элементарную структуру, атомы. Или другое: мир сознания и культуры оказывает влияние на физический мир. Одним словом, "каждый уровень открыт к каузальным влияниям, идущим как от низших, так и высших слоев"¹⁶.

Подводя краткие итоги теории предрасположенностей, можно сказать, что с помощью этой гипотезы Поппер решает по меньшей мере тройную задачу: его серьезно занимает научная сторона, связанная с приведением в соответствие теории вероятности с индетерминистскими феноменами квантовой физики; перед лицом продолжающихся атак индуктивистов ему нужна новая аргументация в пользу фальсификационизма, а для этого он подводит под нее индетерминистское основание; наконец, ему нужно преодолеть раскол знания и встроить феномен человека - его сознание и свободную волю - в научную картину мира.

Насколько предложенное Поппером решение является адекватным зависит не столько от согласованности его философских аргументов, сколько от согласованности гипотезы о "предрасположенности" с тенденциями развития научного знания. В настоящее время она вроде бы стыкуется с идеями нелинейной физики, а как будет дело обстоять дальше - покажет время.

Интеллектуальная судьба Поппера являет собой модельный пример того, как методолог науки, стоит только ему опустить "коготок" в сферу гносеологии, "по уши" оказывается не только в гносеологии, но и в метафизике. Ставши метафизиком, он вынужден следовать определенным ее канонам.

Как и все метафизики до него, Поппер встал перед задачей нарисовать непротиворечивую картину мира, а для этого преодолеть дихотомию, расколы и поляризации. В отличие от большинства из них (исключением является, например, философия А.Уайтхеда), выбравших путь редукционизма, одномерности,

монизма, Поппер хочет преодолеть дихотомии, не жертвуя качественным разнообразием бытия. И он пытается это сделать, нарисовав индетерминистскую, процессуальную картину Вселенной. Во все времена камнем преткновения для метафизиков был феномен человеческого сознания. Попперовская гипотеза "предрасположенностей" в какой-то мере объясняет генетическое единство физического, биологического и человечески-сознательного, но ее недостаточно для ответа на вопрос, поставленный Декартом: каким образом происходит взаимодействие духовного и телесного. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, а также снять серьезные критические аргументы, возникшие у оппонентов (в частности, у И.Лакатоса) относительно обоснованности его концепции роста научного знания, Поппер создает концепцию "трех миров".

К созданию этой концепции его подтолкнула развернувшаяся в 60-70 гг. в англоязычной философии дискуссия о духовном и телесном, в которой тон задавали "научные материалисты", предложившие редукционистское, физикалистское ее решение и по ряду принципиальных моментов продолжившие традицию неопозитивистов.

Концепция "трех миров"

Исходя из процессуально-индетерминистского понимания Вселенной, Поппер рисует следующую картину онтологических уровней и их взаимодействий. Вселенная состоит из трех различных "реалий"¹⁷: "мира 1" или физических сущностей, "мира 2" или мира духовных состояний, включая состояния сознания, психологические диспозиции и бессознательные состояния, и "мира 3" - мира содержания мышления и продуктов человеческого духа. Одной из главных философских проблем, считает Поппер, является отношение между мирами. Эти отношения таковы, что генетически все миры связаны между собой: физический мир порождает сознание, последнее - содержание сознания и мир духовной культуры. Отношение между ними - это отношение интеракции, но не редукции. Они соотносятся между собой таким образом, что "мир 3" и "мир 1" не могут взаимодействовать между собой без посредства человека.

Все три мира реальны. Реальными являются не только физические сущности (поля, силы, кванты) и "твердые материальные тела", но и сознание как субъективный духовный процесс, а также содержание сознания, объективированное в форме куль-

туры. Наиболее важным и определяющим моментом попперовской концепции является утверждение реальности и относительной автономности "мира 3" - "мира продуктов человеческого духа, таких, как предания, объяснительные мифы, средства знания, научные теории (истинные или ложные), научные проблемы, социальные институты и произведения искусства"¹⁸.

Каковы же аргументы в пользу автономности "мира 3"? Временами Поппер связывает объективное существование его объектов с фактом материализации продуктов человеческого интеллекта в виде книг, скульптур, компьютеров и др. Однако основной аргумент все же состоит в том, что теории, идеи, художественные стили порождают следствия, которые их создатели не в состоянии были предсказать. Они заключают в себе логические возможности, какие имеются, скажем, в изобретении числового ряда. Будучи идеальными объектами, они могут порождать и материальные следствия, побуждать людей воздействовать на "мир 1". Вся цивилизация - реализация идеальных замыслов человека.

Каким же образом развитие идеальных объектов соотносится с психическим и биологическим уровнем существования человека? "Схватывание сознанием" объектов "мира 3" происходит в социально-культурном процессе, в процессе обучения, решения проблем, реконструкции теорий, т.е. через посредство человеческой деятельности, - таков ответ Поппера. Остается неясным, кто же детерминирует развитие объективного духа. Либо оно детерминируется самодеятельностью индивидуального сознания, либо идеи, теории, стили имеют свое идеальное существование еще до того, как они становятся достоянием индивидуального сознания и задача последнего состоит в том, чтобы спровоцировать реализацию идеальных следствий из имеющегося в культуре духовного материала, превратить логические возможности в действительность. Скорее всего Поппер склоняется ко второй гипотезе. Похоже, не конкретно исторические люди творят новые идеи, из которых составляется совокупное содержание культуры, а культура творит индивидуальное сознание.

Поппер отчасти сознает этот платоновский крен, при котором пропадает индивидуальное сознание, поэтому он постулирует реальность самости. Самость есть то, "что есть человек", то, что раньше называлось "душой" (если отбросить религиозный смысл этого понятия). Он даже считает возможным утверждать, что самость обладает "квазисубстанциальной" природой, с той оговоркой, что субстанцию следует понимать как физико-психи-

ческий процесс, как активность или деятельность в самом ее подлинном и истинном смысле¹⁹.

Итак, Поппер постулирует реальность физического мира, мира человеческого сознания и идеального мира культуры, связывает все эти "миры" отношениями генезиса и интеракции. С такой онтологической схемой трудно не согласиться. Тем не менее в ней еще не содержится ответа на вопрос, каким образом стыкуется материальное и идеальное. "Научные материалисты" пошли по пути переведения разговора в лингвистическую плоскость и редукции "высказываний о ментальном" к "высказываниям о физическом". Поппер считает семантический анализ важным, но недостаточным. И по сути дела предлагает натуралистический подход. Но натурализм с необходимостью ведет к дуализму духовного и материального, либо к постулированию существования в мозгу особой "шишковидной железы", в которой происходит интеракция (как это сделал Декарт). Поппер не считает декартовскую гипотезу о местопребывании сознания вообще абсурдной. Есть основания для предположения, что таким "местопребыванием" может оказаться "центр мозга, отвечающий за речь"²⁰. Иначе говоря, философское решение вопроса о взаимоотношении материального и идеального Поппер переадресует науке.

Социальные воззрения

Поппер был одним из немногих философов науки, который обратился к социальной философии. Он не ставил перед собой задачи вхождения в профессиональные области социологии или политологии с их специальными вопросами, как это он сделал с физикой. Жанр его работы скорее можно назвать политической философией или социо-политической рефлексией. Тем не менее Поппер попытался применить здесь принципы, наработанные в "Logik der Forschung" - метод фальсификационизма, демаркации теоретического и метафизического, рационального и иррационального и др. То есть Поппер исходит из универсальности разработанной им методологии, ее равной применимости как к области физических, так и области социальных наук. Общества для него - это организации по решению проблем и поэтому их следует оценивать по способности решать эти проблемы, точно также как мы оцениваем работу любого научного сообщества.

Переехав в 1938 г. в Новую Зеландию, он с тревогой следил за развитием событий в Европе и понял исходившую от гитлеровского и сталинского тоталитаризма угрозу европейскому миру, ценностям "свободы, гуманности и рационального критицизма"²¹. Его беспокоило вялое сопротивление европейской интеллигенции наплывающей волне мифотворчества, иррационализма, национализма. Свою ответственность философа и гражданина он видел в том, чтобы выявить какие именно дефекты европейской интеллектуальной традиции привели к такому положению дел и какие позитивы могли бы стать основой для защиты либеральной демократии.

Нападение Гитлера на Австрию стимулировало работу над книгой, задуманную под названием "Ложные пророки: Платон, Гегель - Маркс", но которая по окончании вылилась в две книги: "Нищета историцизма" и "Открытое общество и его враги". В "Нищете историцизма" он возложил ответственность за формирование тоталитарного мышления на те социально-философские учения, которые исповедовали историцизм и профетизм, то есть убеждение, что возможно открыть законы истории и на этой основе делать долгосрочные исторические предсказания и даже создавать программы, рассчитанные на практическую реализацию этих предсказаний.

Поппер проводит различие между историзмом и историцизмом. Историзм означает требование смотреть на вещи исторически, что научно оправдано. Оправданы и принятые в науке предсказания (например, затмений Солнца); они открыты для критики, для проверки, для корректировки. Что касается историцизма, то его долгосрочные предсказания принципиально не поддаются проверке, поэтому носят характер утопии и пророчества. В европейской интеллектуальной традиции существовала элитистская точка зрения, согласно которой философы, обладая знанием об идеальном порядке общества, недоступном простым смертным, обязаны сообщить его людям и стремиться внедрить этот порядок. Сильнее всего эта точка зрения проявилась у Платона, Гегеля, Маркса. Философские измышления, не имеющие ни проверки, ни испытания, предлагались в качестве нормы практического переустройства общества. Действительная реализация этой точки зрения обязательно сопряжена с установлением политической диктатуры. Например, идея Маркса о детерминированности истории классовой борьбой, за которой лежат экономические интересы, в XX в. легла в основу коммунистических

пресбразований в ряде стран и имела для них трагические последствия.

Вряд ли можно отрицать существование определенных тенденций общественного развития, вместе с тем, считает Поппер, приписывать им характер всеобщих законов совершенно неправомерно. Они ограничены локальными цивилизациями, временными пределами, их действие зависит от исторического контекста, в котором в неменьшей степени, чем в физике, действует индетерминизм. Для того, чтобы прогноз тенденций исторического процесса мог претендовать на теоретическую достоверность, он должен учитывать все сложности социальной жизни, все воображаемые условия, при которых эта тенденция может быть нарушена. Сделать это, очевидно, невозможно. Собственно "нищета историцизма", по Попперу, состоит в нищете воображения, в схематизме, в неспособности помыслить возможность такого изменения исторического контекста, когда тенденция *может быть коренным образом изменена или вообще исчезнуть*. Маркс, создавая теорию капитализма (и ниспровергающей его социалистической революции) создавал схему, "умственный мираж"; западное общество развивалось в направлении, которое Маркс считал невозможным. Массовое акционирование частной собственности, прогрессивное налогообложение, благосостояние, связанное с развитием технологий, создание механизмов самореформирования и самосовершенствования и др. скорректировали негативные тенденции, имевшие место в XIX веке. Это позволяет сделать вывод, что *"Тот "капитализм", который имел в виду Маркс, на Земле никогда и нигде не существовал"*²².

Историцизму Поппер противопоставляет другой подход к социальной жизни, который он называет "поэтапной социальной инженерией". Смысл его состоит не в том, чтобы искать пути к величайшему конечному благу, доступному для будущих поколений людей, а в том, чтобы стремиться устранить социальные беды и человеческие страдания живущих людей. Эти меры, имеющие характер технологических предсказаний, конкретны, сравнительно просты, могут в принципе быть предметом испытаний и проверки, а ущерб от их опровержения сравнительно невелик. Именно по пути социальной инженерии, а не социального прожектерства пошли социальные преобразования в либерально-демократических странах. Их успех следует оценивать не только в мегодологическом плане, но и в плане эффективности критического рационализма.

В "Нищете историцизма" и "Открытом обществе" помимо собственно концепций социального знания рассматриваются множество вопросов, относящихся к власти, демократии, государству и др. Однако стержневой идеей, пронизывающей все рассуждения Поппера, является идея необходимости защиты рационализма. Для него это не только интеллектуальная, но и моральная задача.

Платон, Гегель, Маркс были рационалистами. Однако их приверженность историцистскому пророчеству, авторитаризм, закрытость их систем для критики превратили рационализм в псевдорационализм. Сократ был ближе к подлинному рационализму. "Он предполагает осознание ограниченности возможностей отдельного человека, интеллектуальную скромность тех, кому дано знать, как часто они ошибаются и как часто зависит даже это их знание от других людей"²³. Рационализм не обязательно определять в терминах интеллектуального подхода; это лучше делать в терминах практического подхода или поведения. "Тогда мы можем сказать, что рационализм - это расположенность выслушивать критические замечания и учиться на опыте"²⁴. "Рационалистическая позиция или, как ее можно назвать, "позиция разумности" очень близка к позиции науки с ее уверенностью, что в поисках истины мы нуждаемся в сотрудничестве и что с помощью доказательств можно добиваться некоторого приближения к объективности"²⁵. Поэтому социальная разумность может быть только межличностной, но ни в коем случае не коллективистской. Она не дана ни философским или политическим мудрецам, ни "гласу народа". И достигается она не путем открытия и установления чего-то позитивного, а путем введения ограничений на возможную неразумность. Поппер не считает современную либеральную демократию идеальным устройством, но она привлекательна тем, что в ней созданы институты по ограничению возможных ошибок, т.е. "открытостью" для совершенствования.

Публикация в 1944 и 1945 гг. "Нищеты историцизма" и "Открытого общества" вызвала на Западе широкую и в значительной мере негативную реакцию читающей публики. В эйфории, охватившей Европу после победы над фашизмом, на фоне общего подъема левых сил, марксистско и коммунистически ориентированных движений критика Поппером марксизма была оценена многими как "реакционность". Рецензенты в теоретических журналах упрекали Поппера за искажение философии Платона, Гегеля, Маркса, за то, что он неправомерно связывает при-

чинной связью философские учения с политическими режимами, за нестрогость его рассуждений, за непонимание специфики общественных и естественных наук, за то, что, оправдывая "статус кво" современных демократических государств, он не сформулировал развернутой концепции либеральной демократии и многое другое. В настоящее время в академических кругах западных стран многие полагают, что социальная рефлексия Поппера в силу ее философичности и идеологичности не соответствует канонам профессиональной деятельности в социологии и политологии, прежде всего акценту на технологическую проработку конкретных практических проблем.

Несмотря на критику, а может быть, благодаря ей, эти работы получили известность, стали переводиться на многие языки, вошли в арсенал "классических работ". Его концепция социал-реформизма и социальной инженерии, которую он использовал в преподавании в Лондонской школе экономики, оказала влияние на его учеников и через них на социал-реформистское движение в Европе. Обращает внимание на себя нынешний настрой среди европейской интеллигенции превратить "критический рационализм" в его широком смысле в некоторую интеллектуальную силу или движение, противостоящее иррационализму и мифологизму.

В определенной мере можно говорить о "новом дыхании" идей Поппера в бывших социалистических странах; в них видится один из ориентиров для утверждения гласности, открытости и критичности в обществе.

В России до последнего времени Поппер был известен главным образом как философ науки. Перевод и публикация в 1992 - 1993 гг. книг "Открытое общество и его враги" и "Нищета историзма" совпали с наиболее острым периодом перестроечного времени - переходом к рыночной экономике и частной собственности. Подключение России к мировому процессу модернизации и либерализации в условиях вакуума, образовавшегося после низвержения марксистской идеологии, вызвало у многих душевное замешательство, поиски новых духовных ориентиров - зачастую в собственной культурной архаике или иррационалистических "духовных товарах", в изобилии хлынувших в страну с Запада и Востока. Если принять тезис, что будущее России во многом зависит от способности людей преодолеть внутренние несвободы, утопизм и выработать критический и трезвый взгляд на происходящие события, тогда рационалистическая модель философии Поппера (не обязательно "попперианство"), создававшаяся в

традициях той линии философии, которая обозначена именами Сократа, Декарта, Канта, может стать одним из эффективных средств для высвобождения критических сил разума.

- 1 *Popper K. A World of Propensities. Bristol, 1990. P. 6.*
- 2 *Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 35.*
- 3 *Popper K. A World of Propensities. P. 26.*
- 4 *Поппер К. Логика и рост научного знания. С. 34-35.*
- 5 *Popper K. Realism and the Aim of Science. Totowa, 1983. P. 277.*
- 6 *Поппер К. Логика и рост научного знания. С. 35.*
- 7 Там же. С. 35-36.
- 8 *Popper K. Logik der Forschung. W., 1934.*
- 9 *Popper K. Logic of Scientific Discovery. L., 1959. P. 37.*
- 10 *Ibid. P. 313-314.*
- 11 *Popper K., Eccles J. The Self and its Brain. An Argument for Interactionism. Berlin, L., N.Y., 1977. P. 121.*
- 12 *Popper K. A World of Propensities. P. 46.*
- 13 *Ibid. P.P. 17.*
- 14 *Popper K., Eccles J. The Self and its Brain. P. 34.*
- 15 *Ibid. P. 35.*
- 16 *Ibid. см.*
- 17 *Ibid. Pp.36-50. Хотя в "Объективном знании" Поппер называет эти "миры" "онтологически различными подмирами", в книге "Самость..." он отказывается от понятия "онтология" на том основании, что последняя связана с эссенциализмом.*
- 18 *Ibid. P. 38.*
- 19 *Ibid. P. 105,120,146.*
- 20 *Popper K. Unended Quest. L., 1976. P.190*
- 21 *Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 25.*
- 22 Там же. С. 12.
- 23 Там же. Т. 2. С. 262.
- 24 Там же. С. 260.
- 25 Там же.